

Гиздатов Г.Г.¹, Сопиева Б.А.²,

¹д. ф. н. профессор, ²докторант
Казахского университета международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gizdat@mai.ru

ДИСКУРС И ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕДИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА

В статье рассматриваются общее и специфическое в казахстанском дискурсе и идентичности на конкретном психолингвистическом и медиальном материале. Данные по современным медиапредпочтениям подкрепляют авторские утверждения о специфике казахстанского массового сознания. В рамках теории медиального анализа в работе выявлены когнитивные стратегии социального познания и восприятия, выраженные в языковом сознании. Тезис об архаизации (советизации) доказывается анализом образцов массовой культуры и риторическими стратегиями казахстанского дискурса. Данные результаты также подтверждены проведенным пилотным ассоциативным экспериментом (приведены полные ассоциативные поля к словам-стимулам: Казахстан, власть, национальный, Россия, Советский и Советский Союз). В работе определена близость молодёжного языкового сознания к архаизированным языковым представлениям. Проведенное исследование выявило новейшие тенденции казахского и русскоязычного медиального пространства: манипулятивность и стереотипность речевого поведения.

Ключевые слова: ассоциативное поле, дискурс, идентичность, медиальное пространство, психолингвистические данные.

Gizdatov G.G.¹, Sopieva B.A.²

¹Doctor of Philological Science, professor, ²doctoral student
of Kazakh University of International Relations and World Languages after Ablai Khan,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: gizdat@mai.ru

Discourse and identity in the medial space of Kazakhstan

The article is devoted to the general and specific identity in the Kazakh discourse and on a specific psycholinguistic and medial material. Data on modern media preferences are supported by authorial statements about the specifics of Kazakhstan's mass consciousness. Within the framework of the theory of medial analysis, the work reveals cognitive strategies of social cognition and perception, expressed in linguistic consciousness. The thesis of archaization (Sovietization) is proved by analyzing samples of mass culture and rhetorical strategies of the Kazakh discourse. These results are also confirmed by the conducted pilot associative experiment (full associative fields are given for stimulus words: Kazakhstan, power, national, Russia, Soviet and Soviet Union). The study also showed the proximity of youth linguistic consciousness to archaic linguistic concepts. The study revealed the latest trends in the Kazakh and Russian-speaking medial space: manipulation and stereotyped speech behavior.

Key words: associative field, discourse, identity, medial space, psycholinguistic data.

Гиздатов Г.Г.¹, Сопиева Б.А.²,

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің

¹профессоры, ф. ф. д., ²докторанты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gizdat@mai.ru

Қазақстанның медиальдық кеңістігінде дискурс және сәйкестік

Мақалада жалпы және арнайы қазақстандық дискурс пен сәйкестік нақты психолінгвистикалық және медиальдық материалда қарастырылады. Қазіргі заманғы медиа-преференциялар туралы мәліметтерге қазақстандық масс-сананың ерекшелігі туралы авторлық мәлімдемелер қолдауға ие. Медиальдық талдау теориясы аясында жұмыс лингвистикалық санасында көрсетілген әлеуметтік таным мен қабылдаудың танымдық стратегияларын көрсетеді. Архаизацияны тезисті (советизация) қазақ тіліндегі дискурстың жаппай мәдениет және риторикалық стратегиясының үлгілерін талдау арқылы дәлелденді. Бұл нәтижелер пилоттық ассоциация экспериментімен расталады (толық ассоциативті өрістер: Қазақстан, билік, ұлттық, Ресей, Советтік және Совет Одағы). Зерттеу жастардың тілдік санасы архаикалық лингвистикалық ұғымдарға жақындығын көрсетті. Зерттеу барысында қазақ және орыс тілдеріндегі медиальдық кеңістіктегі соңғы үрдістер анықталды: манипуляция және стереотипті сөйлеу мінез-құлқы.

Түйін сөздер: ассоциативті өріс, дискурс, сәйкестік, медиальдық кеңістік, психолінгвистикалық деректер.

Введение

Традиционно срезы общественного и массового сознания фиксируют социологи и культурологи [1]. Есть научная отрасль, которая могла бы практически вмешаться в этот разговор – психолінгвистика. Вынуждены заметить, что для многих казахстанских психолінгвистических исследований типична следующая ситуация: пересказ российских научных работ, большей частью элементарный повтор чужих теоретических выкладок, неряшливо представленный иллюстративный материал и самоцензура при артикулировании собственных научных обобщений. Симптоматично, что многие казахстанские лингвисты любят находить общность казахской и русской культуры, обязательно противопоставляя ее западным ценностям [2]. В любом раскладе словарь ассоциативных норм любого языка всегда выступает как оригинальный и надежный источник при культурологических и социально-психологических исследованиях. То, как социально-политическая ситуация отражается в языке, помогают понять и немногочисленные психолінгвистические исследования в Казахстане. Наибольшую ценность в казахстанской научной практике представляют работы Н.В. Дмитриук. Приведу только один показательный пример: высокая степень присутствия русской лексики в языковом сознании современных казахов подтверждается следующим параметром – среди реакций-ассоциаций общим количеством 2113 употреблено 527 русизмов: 403 у мужчин и 124 у женщин [3, 34].

На наш взгляд, объединяет две страны не столько русский язык, а сколько советская идентичность. Кстати, в бытовую речевую практику вернулись даже забытые клише советской коммуникации: «Езди в такси, если автобус не нравится»; «Можете увольняться, на ваше место всегда есть люди».

Также в унисон говорят о «советизации» казахстанского массового сознания политологи и культурологи или, по крайней мере, они же обозначают очевидный крен к ценностям советского прошлого. Сама социальная природа казахстанского общества оказалась предрасположенной к такому повороту. Одно из возможных объяснений возврата к социально-политической архаике, также очевидно присутствующей и в российском массовом сознании [4] – медиапредпочтения казахстанцев. В значительной мере статистика языковых предпочтений в медиальной сфере подтверждает заявленный тезис о совпадении сознания двух казахстанских групп (казахов и русскоязычных). Необходимо подчеркнуть, что современные масс-медиа особенно интенсивно обращены к эмоциональной, аффективной стороне человека. Ныне казахстанцы (казахи и русскоязычные жители) смотрят на мир глазами российской идеологии, явно ностальгирующей по советскому прошлому.

Еще в 2003 году политолог Берик Абдығалиев указывал, что подавляющее большинство населения страны смотрит телепередачи только на русском языке (32,9 %) , или, в большинстве случаев, только на русском языке (23,9 %), в равной степени, как на русском, так и на казахском 26,4 % опрошенных. Казахский язык в качестве

основного канала получения информации в 2003 году использовался 3,4-8,0 % населения [5, 94]. Ситуация не изменилась и через 10 лет. Так, по относительно свежим данным (других просто нет) казахстанских лингвистов [6, 22] ответы на вопрос – на каком языке вы смотрите телевизор, читаете книги и осуществляете интернет-общение? – могут быть представлены в следующей таблице (см. таблицу № 1).

Опрошено 224 человека

Таблица 1

Этнический состав	На казахском языке	На русском языке	На русском и казахском языках
Казахи	39	36,4	22,7
Русские	4,1	91,8	0
Другие	9,5	90,5	0

Разделение нынешнего казахстанского общества на два языковых и одновременно информационных пространства (казахскоязычное и русскоязычное) можно принять со следующими уточнениями. Действительно, в свое время, до 2000-х годов, русский язык был и механизмом общения, и средством обмена информацией, прогрессивным языком культуры, политики и власти. Но таким он перестал быть также с начала двухтысячных годов.

Эксперимент

Тезис об архаизации (советизации) казахстанской массовой культуры и дискурса требует оговорки: архаизация сознания носит характер не возвращения к старому, а восстановление старого на основе тех знаний и представлений о прошлом, которые пользуются популярностью. Выявляемо это при обращении к образчикам массового сознания. Данные ассоциативных экспериментов, проведенных со студентами нескольких вузов Казахстана, позволяют судить о ментальном климате исследуемого социума. Результаты известного по своей методике лингвистического эксперимента (привести первое слово, которое приходит на ум по отношению к словам-стимулам Казахстан, Власть, Национальный, Россия, Советский и Советский Союз) были одновременно предсказуемыми и неожиданными. Полные ассоциативные поля, полученные от 100 информантов к нескольким

понятиям, приводится ниже, орфография информантов сохранена.

Казахстан – Родина (24), независимость (19), многонациональность (8), президент (6), бешбармак (6), Азия, Астана, баран, бауырсак, благополучие, будущее, герб, гимн, дом, домбра, жара, казахи, коррупция, космодром, кумыс, лошадь, мавзолей, молоко, мясо, Назарбаев, нефть, патриот, республика, Россия, сахар, свобода, семья, сила, солнце, степь, страна, Туркестан, уран, флаг, хлопок, чай, юрта – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Власть – президент (13), деньги (10), Россия (10), государство (8), могущество (8), монархия (8), сила (8), США (8), народ (7), коррупция (5), политика (5), беспорядок, богатство, борьба, влияние, глава, Дональд Трамп, несправедливость, страх, уважение, ханство – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Национальный – костюм (14), народ (8), блюдо (6), нация (6), флаг (6), дух (5), патриотизм (5), традиция (5), банк (4), государство (4), праздник (4), культура (3), символ (3), язык (3), движение (2), Комитет (2), Отечественный (2), беркут, валюта, единство, злой, идея, КазССР, международный, образ, общий, одежда, парк, портал, свободный, собственный, союз, счастье, университет, юрта – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Россия – Путин (25), держава (18), СССР (14), союзник (10), сила (9), федерация (7), медведь (6), Москва (5), армия, борщ, лес, матрешка, преступление, сосед – 1 (общее количество ассоциаций – 100).

Советский – старый (20), союз (19), качественный (12), фильм (7), человек (5), народ (4), бабушка (2), дом (2), дружба (2), лимонад (2), мультфильм (2), образ жизни (2), пролетарий (2), стандарт (2), телевизор (2), шампанское (2), ветеран, герой, Казахстан, многонациональный, одинаковый, пионер, ранний, ретро, рубль, солдат, телефон, улица, труд -1 (общее количество ассоциаций – 100).

Советский Союз – Сталин (19), СССР (11), коммунизм (9), Ленин (6), труд (6), единство (4), пионеры (4), распад (4), война (3), дедушка (3), история (2), Россия (2), серп и молот (2), флаг (2), Хрущев (2), честность (2), 9 мая, время, голод, Горбачев, детство, закон, закрытый купол, звезда, красная звезда, красный телефон, мир, молодежь, нерушимый союз, распад, репрессии, плановая экономика, союз стран, старый, цензура (общее количество ассоциаций – 100).

Результаты и обсуждение

Несмотря на определенную логичность казахстанского «варианта» ассоциативного поля, слово в таком варианте не выражает полного атрибута положения вещей, «идеального» события нет. В них в первую очередь зафиксировано «мышление толп» – стереотипные и повторяющиеся образы. Слова-симулякры в этом случае – в духе идей Ж. Бодриера [7] – одновременно отражают фундаментальную реальность; они же маскируют и искажают фундаментальную реальность. Казахстанскими социологами предложено объясняющее современное языковое сознание понятие «мещанство» как объединяющая социокультурная общность современного Казахстана. Эта та особая идеология, в которой сохраняются советские идеологемы, в том числе и наиболее явные – догматизм и поверхностность мышления. Пожалуй, наиболее вычисляемо следующее: в казахстанском (в данном случае русскоязычном) массовом языковом сознании нет «мифов»; по сути, нет идеологических и культурологических стереотипов. В первую очередь в языковой практике казахстанского дискурса очевидны процессы обеднения и стандартизации языка. Язык перестает быть феноменом культуры и выступает лишь как средство фиксации и передачи информации. Приведем также для сравнения частотные ассоциации из 100 реакций к слову-стимулу Россия, полученные другим исследователем на казахском языке от носителей казахского языка: *Путин (24), Москва (23), балалайка (8), медведь (7), Пушкин (7), Сибирь (6), СССР – бывший (6), Красная площадь (6), холод (6), Ленин (6)*: ассоциации приводятся по пилотному ассоциативному эксперименту М. Абаевой 2016 [8, 23]. Восприятие России этими информантами также лишено какой-либо положительной эмоциональной составляющей и достаточно стандартизировано.

Что есть сейчас русскоязычный «стиль» в Казахстане? Это ложный пафос, безличность и заурядность авторского выражения. Лишь один образчик, когда сама лексика «обнажает» себя: «Но были, были те, кто шел вразрез с линией партии, потому что пытался отстоять здравый смысл – те, для кого боль народа была не пустой абстракцией, она проходила через их сердце, она заставляла кровоточить их совесть», – так в наши дни современный автор-публицист пишет о партийных деятелях советской эпохи.

Приведем примеры из нашей современной культурологической практики. Какие «знаки»

европейской (а именно французской и немецкой) культуры зафиксированы в языковом сознании молодых казахстанцев? Что конкретно из культурных и социальных «знаков» Франции и Германии отражено в молодежном массовом сознании? Ниже приводятся только высокочастотные ассоциации:

ФРАНЦИЯ – Эйфелева башня (24), Париж (23), романтика (8).

ФРАНЦУЗ – Наполеон Бонапарт (7), романтик (7), усы (5), *ФРАНЦУЖЕНКА* – мода(7), духи (6), красивая (6).

ГЕРМАНИЯ – Берлин 9, Гитлер 8, пиво 7, фашисты 5.

НЕМЕЦ – пиво 12, Гитлер 11, фашист 9, обаятельный 5.

НЕМКА – Меркель 8, актриса 5, красивая девушка 5.

От реальной и настоящей Франции и Германии для казахстанцев существует только красивая и стереотипная картинка в одном случае и в другом – давние советские оценки. Франция в сознании молодых казахстанцев сведена исключительно к сувенирному Парижу и тому романтическому флеру, который передают скорее американские фильмы. Но одновременно с этим, отметим и общий положительный окрас восприятия всего французского (результаты по эмоциональному отношению к словам Россия и Германия отличаются). Далее был проведен опрос по вопросу – как вы понимаете слово «совок», на который, как оказалось, многие информанты не смогли ответить, либо указывали, что слово «совок» имеет значение инструмента для уборки мусора и только 14% опрошенных дали хоть какой-то иной вариант ответа.

Истолкование слова «совок»: не знают (41), инструмент для уборки мусора (38), жаргонное название Советского Союза (10), человек советской закалки (5), выражение негативного отношения, Крым, оскорбительное слово, человек который негативно отзывался о Советском Союзе, Страну нужно заново собирать, терпила (1).

Не обнаруживается самое важное в молодежном социолекте Казахстана – продуманное следование определенной идеологии. В конечном счете, казахстанский молодежный дискурс не есть феномен постмодерновой культуры (как оно зафиксировано во всех странах), он большей частью болезненно спокоен и глубоко провинциален и он же вне этнических и культурологических стереотипов.

Язык и общие социальные шаблоны мысли (в том числе и эстетические пристрастия эпохи)

оказываются в данном случае взаимосвязанными [9]. Язык современных казахских и русскоязычных писателей и блогеров, также как и зафиксированные срезы массового сознания, и есть причудливое соединение разговорных оборотов с книжно-пафосными. Подавляющее большинство публицистических текстов с неизбежной закономерностью будут отличаться резонерством, канцеляритом и антропоцентризмом истолкования. Общая тенденция современных казахстанских медиа – преобладание над аналитическими материалами собственно публицистики. При этом манипулятивность российского и казахстанского журнализма нашего времени стала более агрессивной. Быть может, поэтому в последнее время в казахстанской массовой культуре, также как и в российской практике последних пяти-семи лет, наблюдаемы риторические принципы и приемы манипулирования массовой аудиторией (рекламные тексты, пропагандистские компании и т.п.) с суггестивными принципами речевой терапии. К таковым относится, во-первых, упрощение смысла. Действительно потребительская или избирающая кого-либо масса избавлена от лишних усилий. По отношению к публичному речевому поведению в Казахстане происходит упрощение смысла. В свою очередь казахскоязычная пресса отличается от русскоязычной в тематическом наполнении, но не в осмыслении социально-экономической и общественно-политической действительности. В казахской прессе, по совсем не устаревшему замечанию культуролога Азии Байгожиной: «События описываются как самодостаточные явления, как очередной

случай культуры – вне динамики меняющегося мира, в котором собственно эти события и происходят [10, 36].

Воскрешает в политическом и публицистическом дискурсе казалось напрочь забытая советская стилистика: разговорный стиль, «сниженная» лексика, прямые обращения к аудитории, «совместные» с аудиторией суждения и оценки, лишь формально приближенные к живому межличностному общению. Ситуация в казахском медиадискурсе с **возвратом к традиционной массовой ментальности** напоминает социалистическую коммуникацию 30-х годов прошлого столетия. Происходит подмена советских штампов на национальные, но не более.

Заключение

В чем причина такого самоограничения? На мой взгляд, в желании продлить жизнь прежнего стереотипа общественного сознания. Казахское медиальное пространство отражает одновременно и традиционное сознание (примитивно-групповую идеологию), и советский опыт. На наших глазах складывается пропагандистское общение – социально-ориентированное общение, когда обращаются не личности собеседника, а к обобщенному образу аудитории. Медиальное пространство Казахстана отражает реальную речевую и социальную ситуацию нашего времени. В нем все смешалось и весьма мозаично: от архаичных и советских стереотипов до современных постмодернистских образчиков.

Литература

- 1 Gizdatov G. Soviet Identity in Discourse of Kazakhstan // *Anuari de Filologia. Llengües I Literatures Moderne*. 2015. No. 5. – P. 42 – 47.
- 2 Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. – Алматы: Интер-Пресс, 2010. – 319 с.
- 3 Дмитриук Н.В. Ассоциативная модель анализа лингвистических проблем плюцентризма // *Вестник Кокшетауского университета. Серия филологическая*. – 2016. – № 3. – С. 36-42.
- 4 Murašov J. *Das unheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland*. – München: WilhelmFink, 2016. – 323 p.
- 5 Абдыгалиев Б.Б. Политизация этничности: процессы, механизмы, последствия. – Алматы: ИД, 2003. – 234 с.
- 6 Фазылжанова А. Социолингвистическое исследование языковой ситуации введения трехязычия // *Язык. Культура. Коммуникация*. – Алматы: Елтаным баспасы, 2013. – С. 18-40.
- 7 Baudrillard J. *Simulacresimulation*. – Paris: Galileo, 1985. – 348 p.
- 8 Абаева М.К. Образ России в языковом сознании современных казахстанских студентов // *Вопросы психолингвистики*. – 2016, № 28. – С. 20-28.
- 9 Titscher, S., Meyer, M., Vetter, E., Wodak Ruth. *Methods of Text and Discourse Analysis*. – London: Sage, 2000. – 278 p.
- 10 Байгожина А. Казахские и русские газеты республики: непересекающиеся миры параллельных культур // *Культура и СМИ: проблемы взаимодействия*. – Алматы: Кредо, 2000. – С. 36-43.

References

- 1 Gizdatov G. Soviet Identity in Discourse of Kazakhstan. *Anuaride Filologia. Llengues I Literatures Moderne*. 2015. No. 5. P. 42-47.
- 2 Alimzhanova G.M. *Sopostavitelnaya lingvokulturologiya: vzaimodeystvie yazyka, kultury i cheloveka*. [Comparative linguoculturology: the interaction of language, culture and man]. Almaty: Inter-Press, 2010. 319 p. (In Russian)
- 3 Dmitryuk N.V. *Associativnaya model' analiza lingvisticheskikh problem plyucentrizma*. [Associative model of the analysis of linguistic problems of plucentrism]. *Bulletin of Kokshetau University. A series of philological*. 2016. No. 3. Pp. 36-42. (In Russian)
- 4 Murašov J. *Das unheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland*. München: Wilhelm Fink, 2016. 323 p.
- 5 Abdygaliev B.B. *Politizaciya etnichnosti: processy, mekhanizmy, posledstviya*. [Politization of ethnicity: processes, mechanisms, consequences]. Almaty: ID, 2003. 234 p. (In Russian)
- 6 Fazylzhanova A., Nurgalieva G. *Sociolingvisticheskoe issledovanie yazykovej situacii vvedeniya trekhyazychiya*. [Sociolinguistic study of the linguistic situation of the introduction of trilingualism]. *Proc. Sci. «Language.Culture.Communication»*. Almaty: Eltanyimbaspasy, 2013. Pp. 18 – 40. (In Kazakh)
- 7 Baudrillard J. *Simulacresetsimulation*. Paris: Galileo, 1985. 348 p.
- 8 Abaeva M.K. *Obraz Rossii v yazykovom soznanii sovremennykh kazahstanskih studentov*. [The image of Russia in the language consciousness of modern Kazakhstani students]. *Questions of psycholinguistics*. 2016. No. 28. Pp. 20-28. (In Russian)
- 9 Titscher S., Meyer M., Vetter E., Wodak Ruth. *Methods of Text and Discourse Analysis*. London, Sage, 2000. 278 p.
- 10 Bajgozhina A. *Kazahskie I russkie gazety respubliki: neperesekayushchiesya miry parallel'nyh kul'tur*. [Kazakh and Russian newspapers of the republic: disjoint worlds of parallel cultures]. *Proc. Sci. «Culture and media: problems of interaction»*. Almaty: Credo, 2000. Pp. 36-43. (In Russian)